

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- *М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта*
- *Классический и неклассический проекты метафизики Декарта и Хайдеггера: компаративный анализ*
- *Проблема одиночества в философии экзистенциализма (Вызов «пустующего места» Другого)*
- *Эволюция принципа эвдемонизма в древнегреческой этике*

УДК 091

М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

Показана важность осмысления эпистолярного наследия И. Канта при реконструкции процесса становления немецкой классической философии. Выявлено место М. Мендельсона в этом наследии, письма Канта к которому стали своего рода вехами, отмечающими поворотные этапы творчества великого немецкого философа.

M. Mendelson in Kant's Epistolary Heritage

T. Rumyantseva, PhD in Philosophy, Professor

The author shows the importance of comprehending of Kant's epistolary heritage in the reconstruction of German classic philosophy evolution process. The place of M. Mendelson in this heritage is revealed. The author maintains that Kant's letters to M. Mendelson became peculiar marks which note the turning-points of the works of the great German philosopher.

Многолетняя историко-философская традиция по реконструкции и анализу процесса становления основных идей немецкой трансцендентально-критической философии предполагает, в том числе, и осмысление эпистолярного наследия ее виднейшего представителя и основателя – И. Канта. Исследователи не раз убеждались в том, что именно в своих письмах философ раскрывает не только побудительные мотивы формирования ряда его идей, но и фактически намечает общие контуры построения отдельных сторон своего учения, используя продуктивный диалог с тем или иным своим респондентом, чтобы проверить на прочность свои «коперниканские» открытия. К числу мыслителей, в письмах к которым философ чаще всего обнаружил свои замыслы относительно содержания его этапных работ; в конструктивной полемике, с которыми он пытался уточнить ряд основоположений своей трансцендентальной философии, касающихся главным образом критики догматической метафизики, был и Моисей Мендельсон – немецко-еврейский философ XVIII в., последователь Г. Лейбница и Х. Вольфа.

Характеризуя кантовское эпистолярное наследие, отметим, что наиболее значительная роль в деле его восстановления принадлежит В. Дильтею, который еще в 1889 г. стал инициатором создания литературных архивов под опекой немецкого государства. В 1893 г. Дильтей начал подготовку по изданию собрания сочинений Канта, превратив это мероприятие в важнейшую национальную задачу.

Благодаря его многочисленным запросам в архивы, библиотеки, редакции газет и журналов о возможном местопребывании писем и рукописей философа он получил столько ответов, что в течение двух месяцев занимался только тем, что рассылал благодарственные письма. В результате уже в 1902 г. вышел первый том академического собрания сочинений Канта с программным предисловием Дильтея. В нем он призывал понять автора лучше, чем тот сам понимал себя; приблизиться к разрешению этой задачи в «постоянно обновляющемся сопряжении исторической ситуации», в которой осуществлялась мысль Канта со всеми материалами его мыслительной работы. Огромную роль для такого понимания автора, несомненно, играет его эпистолярное наследие, которое, в случае с Кантом, мы и имеем во многом благодаря усилиям Дильтея. При изучении творческого наследия мыслителя не может быть главного и второстепенного, ибо философское произведение великого автора продолжается в его письмах и дневниках, и все это должно учитываться для понимания тех сил, которые участвовали в оформлении его главного текста.

В изданном не так давно в Марбурге (где находится штаб-квартира кантовского наследия) академическом собрании его сочинений из 29 томов собственно письма занимают X–XIII тома. Это, конечно, не сравнить с чуть более 100 страничками его писем, изданных на русском языке. И хотя вышедший в СССР в 1980 г. сборник под названием

«Трактаты и письма» задумывался как дополнение к кантовскому собранию сочинений, в нем так и остались не опубликованными многие из писем философа к главным его адресатам – Герцу, Ламберту и Мендельсону. Известно, что во времена Канта почти не было научной прессы, и многие философы и ученые использовали формат письма в том числе и для обмена своими научными идеями. Эпистолярный жанр становится излюбленной формой литературного творчества еще со времен Спинозы, Юма и Лейбница.

Эпистолярное наследие Канта почти не отличается от писем упомянутых выше философов – его предшественников. Правда, в чисто количественном плане оно не так велико, как скажем у Лейбница, и в то же время более обширно, чем у Юма – того самого, «пробудившего его от догматического сна», у которого письменное наследие занимает всего один том. По содержанию писем Канта видно, что их автор вряд ли предназначал их для широкой печати. Известный советский исследователь его творчества А. Гулыга писал, что это были «лапидарные, в меру обстоятельные, сухие письма», которые представляли собой «зеркало не столько научных, сколько деловых его интересов» [1, с. 75]. И все же нельзя не отметить, что переписка Канта умеренно насыщена философскими темами. Мыслитель довольно часто ссылаясь в своих письмах на те трудности и упущения, которые он испытывал при изложении главных идей своего учения. Так, известно, что именно в письмах он впервые обнародовал свой замысел относительно написания «Критики чистого разума» и дал фактически полный план ее изложения. Здесь же, в письмах, он впервые поставил один из главных вопросов всей своей философии: *что* убеждает познание в его объективной значимости по отношению к предмету, и высказал свои новаторские мысли о метафизике как трансцендентальной философии с совершенно новым пониманием ее целей и задач.

Серьезная переписка Канта начинается примерно с середины 60-х гг. XVIII в., когда возрастает его известность. Среди его наиболее частых респондентов следует назвать Ламберта, которому он даже хотел посвятить свою «Критику чистого разума»; Герца – ему Кант чрезвычайно доверял и делился с ним многими, не только научными, проблемами; Мендельсона, который, кстати говоря, сам вместе с Ламбертом и предложил Канту начать научную переписку. В числе адресантов Канта много известных людей его времени, в том числе и русская императрица Елизавета Петровна, к которой он обращался с коротким и, как сейчас бы сказали, предельно «конкретным» письмом от 14 декабря 1758 г., прося у нее «соблаговолить

милостливо определить его на вакантный пост ординарного профессора». При этом в духе того времени он называл ее «всесветлейшей, великодержавнейшей, всемилостивейшей императрицей и великой женой» [2, с. 505].

Переписка с Мендельсоном завязалась после того, как Кант послал ему свою работу «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766); тот ее любезно прочитал и высказал философу ряд своих замечаний. В ответ Кант пишет ставшее знаменитым в научном мире письмо от 8 апреля 1766 г., без которого сегодня просто невозможно представить изложение одной из главных тем как кантоведения, так и немецкой классической философии в целом – «Проблемы метафизики в “до-критический” период творчества Канта и начало формирования его критической методологии». Но дело не только в этом. Именно в данном письме великий кенигсбергский моралист приводит слова, которые станут жизненным кредо для тех, кто действительно решил посвятить себя служению науке: «Непостоянство и погоня за внешним блеском никогда не станут моим уделом после того как в течение большей части своей жизни я научился почти обходиться без того, что обычно портит характер, и презирать это», а также: «... я с самой твердой убежденностью и к великому удовлетворению моему думаю многое такое, о чем я никогда не осмелюсь сказать, но я никогда не буду говорить то, чего я не думаю» [2, с. 514]. Давно хрестоматийной стала еще одна фраза из этого письма, касающаяся сути и значения метафизики: «...я во все не скрываю, что смотрю с отвращением, более того, с какой-то ненавистью на напыщенную претенциозность целых томов, наполненных такими воззрениями, которые в ходу в настоящее время... что избранный в них путь является совершенно превратным, что модные методы [метафизики] должны до бесконечности умножать заблуждения и ошибки... что это (метафизика – *T. P.*) мнимая наука с ее столь отвратительной плодовитостью» [2, с. 515]. Чрезвычайно высоко оценивая Мендельсона как философа, самого разрабатывавшего проблемы метафизики, Кант называет его здесь гением, которому полагается создать новую эпоху в этой науке, от которой во многом зависит «истинное и прочное благо человеческого рода». Именно Мендельсон должен, по Канту, дать ей новое направление и начертать мастерской рукой план для этой все еще наугад разрабатываемой дисциплины, снять с нее «догматическое одеяние и подвергнуть необоснованные воззрения скептическому рассмотрению». Интересно, что именно на суд Мендельсона Кант отдает ряд своих догадок и начинаний относительно нового метода метафизики, пола-

гая, что тот укажет ему на ошибки. Чрезвычайно важной является и высказанная в данном письме мысль Канта о границах человеческого разума и его первые попытки наметить круг вопросов, решение которых оказывается ему (разуму – *T. P.*) не под силу. Неслучайно это письмо принято считать заключительным аккордом всего «докритического» Канта, обосновывающего здесь идею необходимости нового определения метода метафизики, который превратил бы ее в действительную науку.

Вслед за «Грезами духовидца» Кант послал Мендельсону свою диссертацию 1770 г. – «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостижаемого мира», которую тот, хотя и с определенным трудом, но с удовольствием прочитал. В своем благодарственном письме к Канту от 25 декабря 1770 г. Мендельсон сделал несколько серьезных замечаний, не соглашаясь с его трактовкой пространства и времени. И тем не менее он посоветовал философу скорее поделиться с публикой своими размышлениями для блага метафизики, которая находилась тогда в упадке. Кант ответил не сразу; он написал большое письмо к Герцу от 7 июня 1771 г., в котором просил извиниться перед Мендельсоном за свое молчание. Здесь же он высказал глубочайшее почтение Мендельсону как философу, назвав его крупнейшим аналитиком, а его возражения против ряда идей кантовской диссертации – разумными и способствующими достижению большей ясности и отчетливости его теории. В следующем письме к Герцу (конец 1773 г.) Кант вновь с глубочайшим почтением вспомнит о Мендельсоне и поставит его имя рядом с самыми почитаемыми им Гарве и Тетенсом, которые, по его мнению, только и могли бы разрешить труднейшие метафизические задачи нашего времени.

Интересно, что письма Канта к Мендельсону стали своего рода вехами, отмечающими поворотные этапы его творчества, более того, благодаря ним открываются порой дополнительные возможности уяснить многие тайны сложнейшей лаборатории кантовской мысли.

Следующий этап переписки открывается после того, как Кант послал Мендельсону дарственный экземпляр своей «Критики чистого разума». Тот, хотя и отложил ее на долгие два года, но в отличие от Гердера и Гамана, очень нелицеприятно отозвавшихся о работе, написал в ответ письмо от 10 апреля 1783 г., в котором утверждал, что книга Канта стала для него «критерием здоровья». И дальше: «Как только я могу польстить себе, что мои силы окрепли, я отваживаюсь приняться за Ваше произведение, пожирающее нервные соки, и я еще не потерял надежды, что до конца дней своих я смогу его полностью осмыслить» [1, с. 136]. Отвечая Мендельсону на это письмо, в котором

тот, помимо всего прочего, обратился к философу с просьбой принять в число его слушателей сына директора монетного двора в Берлине (Фридриха Гентца), Кант напишет еще одно, ставшее знаменитым, письмо к Мендельсону от 16 августа 1783 г. В нем, в связи с благосклонными отзывами Мендельсона о его поездке на воды и теми «приятными картинками», которые эта поездка вызвала у Канта, он выскажет «высший принцип своей диететики» (как известно, Канта почитают во всем мире и как автора уникальной гигиенической программы, которую он успешно применял на протяжении всей своей жизни). Согласно этому принципу «у каждого человека существует собственный способ быть здоровым, который он не может изменять, не подвергая себя риску». И далее он пишет, что «все-го долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни, но соблюдают, однако, осторожность, дабы не сократить ее каким-либо вмешательством в нашу благотворную природу» [2, с. 550]. Здесь же Кант свидетельствует о прочтении им книги Мендельсона «Иерусалим, или о религиозной власти и иудействе», полагая, что той нервной слабости, о которой мыслитель писал Канту, в этом произведении он не заметил и ни малейшего следа. Есть в этом письме, разумеется, и более серьезные, чисто философские сюжеты и, в первую очередь, это касается огорчений Канта по поводу того, что Мендельсона все же мало занимает кантовская критика метафизики, что она не в состоянии привлечь его проницательного внимания. Кант объясняет Мендельсону, и это очень важно для понимания особенностей стиля «Критики чистого разума», а именно: почему книга оказалась столь сложна для понимания. Философ ссылается на то, что он уже очень стар для того, чтобы одновременно добиться законченности целого и отшлифовать каждую его часть, придавая ей завершенность и легкую живость одновременно. Как и в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», но это будет четырем годами позже, он укажет, что намеренно отказался от растянутых подробностей, препятствующих отчетливости изложения и прерывающих его связность. И, тем не менее, Кант не отказывается доработать книгу, что и будет впоследствии сделано во втором издании. Странно, но многие споры вокруг этого вопроса, могли бы принять совсем иной оборот, если бы изучение главного философского произведения Канта сопровождалось внимательным знакомством с его письмами к Мендельсону, мнение которого было для философа чрезвычайно авторитетным. Об этом, в частности, свидетельствует еще одна фраза из этого же письма, когда Кант пишет, что «немногие обладают счастливым даром выражать свои мысли так, чтобы сделать их понятными

другим. Это может только один Мендельсон» [2, с. 551]. Несмотря на усталость последнего, Канту очень бы хотелось, чтобы именно тот с его авторитетом поспособствовал проверке на прочность важнейших положений его «Критики», которые он даже перечисляет в тексте письма. Среди них ставшие известными не только в философском сообществе идеи об аналитических и синтетических суждениях а priori; о том, что теоретическое познание простирается только на предметы возможного опыта, но не на вещи в себе и т. п. Кант полагает, что кроме Мендельсона, Гарве и Тетенса мало кто «обладает талантом и доброй волей заняться этим делом и внести здесь вклад в его исследования» [2, с. 552–553]. Данное письмо свидетельствует о том, что Кант хорошо знал работы Мендельсона, в частности, он с восхищением прочитал его «Иерусалим», называя эту книгу «проницательной, изящной и умной», рассматривая ее как «провозглашение великой, хотя и медленно наступающей, а порой и отдаляющейся реформы, которая затронет не только Вашу, но также и другие нации». И дальше он писал, что тот сумел «соединить свою религию с такой степенью свободы совести, каковой в ней никто не мог бы даже и предположить и каковой не может похвастаться никакая другая религия». Все это свидетельствует о том, что он следил не только за метафизическими изысканиями Мендельсона, но и хорошо был знаком и высоко ценил его вклад в решение теоретических и практическо-политических вопросов еврейского сообщества тогдашней Германии.

Имя Мендельсона постоянно встречается и в письмах философа к другим своим респондентам (уже упоминались письма к Гарве и Герцу). В письме к Х. Шютцу от конца ноября 1785 г., опубликовавшему рецензию на мендельсоновские «Утренние часы», Кант, хотя и не соглашается с автором книги по ряду теоретических вопросов метафизики, тем не менее, называет работу превосходной и чрезвычайно полезной и значимой для критики человеческого разума [2, с. 556–557]. Ему импонируют многие прозрения Мендельсона относительно природы и свойств человеческого разума, которые он назовет здесь даже последним заветом догматической метафизики и памятником проницательному мыслителю, на примере идей которого критика разума может проверить правильность своих основоположений.

Итак, письма Канта (и не только те, что непосредственно адресованы Мендельсону) и находящиеся в них отзывы об этом мыслителе еще раз подтверждают мысль о том, что Моисей Мендельсон действительно принадлежит к числу выдающихся философов-просветителей, внесших поистине уникальный вклад в развитие немецкой идеалистической философии – этого золотоносного пласта мировой философии и культуры.

Список цитированных источников

1. Гулыга, А. В. Кант / А. В. Гулыга. – М., 1977.
2. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М., 1980.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.06.2008.